

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

ФУНКЦИЯ СНОВИДЕНИЙ И ВИДЕНИЙ В МИФОПОЭТИКЕ ЧЕХОВСКОГО «СИБИРСКОГО» ЦИКЛА

Абдурауфова Камола Тулқинбек қизи

Шахрисабз давлат педагогика институти,

E-Mail: kamola199407@gmail.com

Аннотация

В статье речь идёт о функциях сновидений и видений в мифопоэтических произведениях Чехова в цикле «Сибирь». Сновидение – это по сути доступный и знакомый каждому опыт создания художественной реальности. Сновидное мышление парадоксально, оно почти не способно удивляться и критически оценивать ситуацию. Так, в художественной литературе сновидение является важной частью психологического портрета героя. В сновидении усиливается контакт сознания с ирреальным миром, герой приближается к таинственным загадкам, для прояснения которых требуется выйти за рамки сложившихся условностей.

Ключевые слова: сновидение, мифопоэтика, пространство времени, национальный, быт, бытие, мышление.

Annotation

The article reveals the functions of dreams and visions in Chekhov's mythoepic works in the cycle "Siberia". A dream is essentially an accessible and familiar experience of creating an artistic reality. Dreamy thinking is paradoxical, it is almost unable to be surprised and critically assess the situation. So, in fiction, the dream is an important part of the psychological portrait of the hero. In the dream, the contact of consciousness with the unreal world increases, the hero approaches

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

mysterious riddles, which require going beyond the established conventions to clarify.

Keywords: dreaming, mythopoeics, space of time, national, way of life, being, thinking.

Annotasiya

Maqolada Chexovning "Sibir" siklidagi mifoepik asarlarida tushlar va vahiylarning vazifalari haqida soʻz boradi. Tush koʻrish mohiyatan badiiy voqelikni yaratishning hamma uchun tushunarli va tanish tajribasidir. Tushdagi tafakkur paradoksal boʻlib, u deyarli hayratlanish va vaziyatni tanqidiy baholashga qodir emas. Shunday qilib, badiiy adabiyotda tush koʻrish qahramonning psixologik portretining muhim qismi hisoblanadi. Tush koʻrishda ongning haqiqiy boʻlmagan dunyo bilan aloqasi kuchayadi, qahramon sirli jumboqlarga yaqinlashadi, ularni oydinlashtirish uchun mavjud shart-sharoitlardan tashqariga chiqish talab etiladi.

Kalit soʻzlar: tush, mifopoetika, vaqt makoni, milliy, turmush, borliq, tafakkur.

ВВЕДЕНИЕ

Критики и учёные начала XX века воспринимали творчество А.П. Чехова как отражение ценностных установок русской действительности и фундаментальных смыслов существования. Некоторые считали его мастером, честно и достоверно передавшим облик российской жизни (Л.Н. Толстой, А.М. Горький, М.О. Цетлин и др.), а также глубоким философом (Ю.И. Айхенвальд, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов и пр.). Писатель и публицист А.М. Горький замечал: «Чехов — один из самых выдающихся

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

спутников России, мудрый, нейтральный, истинный друг, любящий свою страну, сочувствующий ей во всём; Россия никогда не забудет его, долгие годы будет осваивать жизнь через его произведения».

Мнение религиозного философа В.В. Розанова заслуживает внимания: «Понять истинную ценность творчества Чехова возможно лишь при учёте того, что его образы носят не столько локальный, сколько универсальный характер — они выходят за рамки определённой эпохи и социальной среды, оставаясь независимыми от временных условий и не поддаваясь полному упрощению исключительно политическими или общественными факторами этого периода».

Безусловно, как и любые настоящие художественные образы, произведения Чехова детализированы и отражают специфику русской действительности конца XIX века. Но, на наш взгляд, снижать значимость этих образов до одной лишь картины быта, рассматривая их исключительно как реакцию на текущую ситуацию, — значит пропустить главное. Считать Чехова просто наблюдателем быта, игнорируя глубинные идеи, — означает упустить его вселенское значение, его творческое виденье мира, а также масштаб мыслительных усилий, которые вышли далеко за пределы национального контекста.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЯ

Чеховское настроение, с психологической точки зрения, возможно, отражает атмосферу заката 80-х годов в России, однако в философском плане оно несёт в себе более универсальное значение. У Чехова вызывается сомнение в доброкачественности среднего человеческого духа — в его способности полностью реализовать себя, раскрыть скрытый в нём идеальный потенциал, осмыслить собственную природу. Таким образом,

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

возникает глубокая метафизическая и религиозная проблема — тайна человека. Следовательно, чеховское настроение следует понимать как вселенскую печаль в прямом значении этого слова, а сам автор, наряду с Байроном и рядом других, становится поэтом этой всеобщей грусти. В то же время другие исследователи утверждали, что Чехов запечатлел истинную русскую действительность «искажённо», будучи ограниченным рамками своей эпохи, показывая быт без духовной сути, быт без бытия. [7] В своей работе «История новейшей русской литературы» (1911 год) российский критик Ю. Александрович утверждал, что А. П. Чехов не проникся глубоким страданием русской земли, всё в его творчестве чуждо нашему духу, и сам автор — ненастоящий, оторванный от национальной сути писатель. С другой стороны, Д. С. Мережковский писал о Чехове: «Он — великий, возможно, самый выдающийся в истории русской литературы бытовой художник. Даже если вся современная Россия исчезнет, её облик эпохи конца XIX века можно будет реконструировать по его рассказам и пьесам с невероятной точностью — вплоть до мелочей. Его персонажи не живут, они лишь существуют — жизнь заменена бытом, который лишен событий, за исключением одного — смерти, завершающей быт и бытие. Быт и смерть — это единственные неподвижные опоры мира Чехова. Он знает повседневность русского общества лучше всех, однако больше ничем не интересуется и не стремится узнать. Он предельно национален, но недоступен универсальным ценностям; абсолютно современен, но не имеет отношения к историческому процессу».

Довольно внимательный ко всему российскому, современному, Чехов почти ничего не замечал в ином, в прошлом. Он ясно увидел Россию, быть может, лучше всех, однако пропустил Европу, не заметил мира. Тенденция воспринимать Чехова исключительно как этносоциолога или мыслителя,

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

игнорируя особенности соотношения изображаемого бытия и сознаний персонажей и самого автора, складывалась уже в трудах исследователей и сохранялась на протяжении многих лет. По мнению А.П. Скафтымова, в творчестве писателя существует грань между бытом и бытием — и он приходит к выводу, что бытийное буквально теряется среди множества бытовых подробностей, где человек «выживает, не находя выхода из повседневной суеты».

Современные учёные стремятся выявить новые подходы, способные раскрыть специфику поэтики писателя и утвердить его роль в литературной историографии. Несмотря на значительный вклад научных работ, посвящённых различным сторонам творчества Чехова, проблема взаимосвязи экзистенциального восприятия реальности и национального духа в его художественном мире остаётся недостаточно изученной. Критик Ю.М. Павлов в своём анализе поднимает тему интерпретации чеховской русской проблемы, обращая внимание на то, как выражалась русская идентичность писателя: «Чехов не демонстрировал национальной привязанности или узости мышления. Его всепроникающая гуманистическая чувствительность проявилась даже при сложных обстоятельствах путешествия по России — например, во время поездки на Сахалин весной 1890 года. Он высоко ценил качества представителей татарского, русского, еврейского, польского, украинского этносов. Чаще всего он переключал диалог с национальной плоскости на универсально-гуманитарную: „Боже мой, какие хорошие люди живут в России“ (письмо М.П. Чеховой от 14–17 мая 1890 года).

Национальная самобытность Чехова проявляется в его творчестве по-разному — особенно в глубоком, лишенном стилистических прикрас понимании человеческой сути и жизненного пути. Это прямо выражено в

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

пьесе «Иванов», где автор, отказавшись от художественной метафоры, излагает свои взгляды в письме Суворину от 30 декабря 1888 года. Обсуждая образ главного героя, рассматриваемого в свете судебной трагедии широкой массы интеллектуалов, Чехов формулирует целый ряд фундаментальных, принципиальных положений.[4]

РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье применён экзистенциально-феноменологический метод, цель которого — изучение функционала сновидений и видений, воспринимаемых человеком, с целью анализа различных слоёв сознания.

Кажется уместным считать, что экзистенциальная феноменология помогает определить, какой смысл имеют сновидения и видения в мифопоэтическом строе цикла «Сибирский», созданных Чеховым. В отличие от распространённых подходов к толкованию литературного произведения, основанных на привнесении внешних элементов (контекстов, параллельных текстов), а затем поиске в нём заложенных смыслов, данный путь ориентирован на возвращение к исходному опыту сознания, где объекты проявляются не как части готовых теорий или взглядов, а как нечто, самосвоевременно открывающееся в первичном переживании.

Чехов опирается на распространённые стереотипы о русских и представителях других наций, однако их использование служит не утверждению национальных различий, а раскрытию глубинной природы человеческой личности, независимо от этнической принадлежности. Для автора важна не нация, а тип мышления, а также индивидуум с развитым сознанием, способный реализовать себя в фундаментальных жизненных переживаниях. Главное — динамика внутреннего мира человека; ключевое событие во многих поздних рассказах — момент пробуждения сознания,

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

когда герой либо вырывается из повседневной суеты, проникает в целостность бытия и осознаёт своё место в мире, либо, напротив, закрывается в себе, словно заперся в «футляре», теряя связь с реальностью. А.П. Чехов — писатель с экзистенциальной направленностью мышления. Его произведения наделяют пространственные образы (топосы), такие как провинция, столица, степь, дорога, фабрика, глубоким психоэмоциональным содержанием, лишая их заранее заданной оценки или противопоставления. Эти локации не являются ни благополучными, ни разрушительными по сути — они становятся полем для реализации внутренних миров героев, где возможна как духовная автономия, так и изоляция от реальности. Автор судит о каждом месте через призму универсальных ценностей: природы, искусства, любви, сочувствия, взаимопонимания.

Центральным становится субъективный, внутренний поток времени, обусловленный эмоциональным состоянием героя, ориентированный назад, в воспоминание, что усиливает осмысление бытия на уровне экзистенциального опыта. При этом хронологическая последовательность и общественное, внешнее время теряют первостепенную роль, особенно если рассматривать пространственные модели как мифопоэтические конструкты. В анализе пьес Чехова учитываются элементы мифического опыта, трансформированные в фольклорной практике. Литературный текст использует мифо и фольклорные структуры в форме устойчивых культурных установок, а также в виде готовых языковых, жанровых, стилевых форм — то есть тех компонентов художественной речи, которые традиционны, но постоянно преобразуются в творческом процессе.

В цикле «Сибирь» А. П. Чехова — в путевых записках «Из Сибири», повести «Дуэль» и особенно в рассказах, порождённых впечатлениями от

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

путешествия, таких как «Гусев» и «В ссылке» — сновидения и видения выходят за рамки чисто психоаналитического приёма. Они превращаются в способ мифологизированного осмысления далёкой, чуждой территории.

Для писателя Сибирь представляет собой край мира, подземный, почти мифический ландшафт, где пределы бытия размыты, а черта между жизнью и смертью исчезает. В системе мифопоэтики Чехова этот регион выступает как «чужой дом», как хаотическое пространство. Однако внутренние образы, возникающие во сне, дают героям кратковременный доступ к своему «дому», к священному, знакомому миру: так, Гусеву, как и другим персонажам из «Из Сибири», сниется родная деревня, зимний пейзаж, близкие люди. Подобные видения несут символическую функцию спасения души. Сон становится единственно возможным «пути» назад — ведь реальный маршрут через Сибирь кажется бесконечным и невыносимым.

В обстановке сибирской бесконечности — грязи, нескончаемых расстояний — сновидения приобретают особую выразительность и глубину, опережая реальность своей значимостью. Сибирь в мифологическом и поэтическом восприятии становится порогом другого измерения. Здесь видения нередко приобретают апокалиптический оттенок:

— Галлюцинации Гусева: перед концом он сталкивается с исполинским быком лишенным зрачков или странной природной картиной — типичные символы подземного мира, указывающие на то, что герой уже переступил черту между жизнью и ничто.

— Морские и степные мiгажi: в записях «Из Сибири» сам ландшафт словно трансформируется в зрелище. Леса и переполненные воды рек становятся живыми силами, мифическими чудовищами, что усиливает чувство противостояния человека природе.

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

— Чехов фиксирует особое состояние бытовой жизни Сибири — полусон, полуобморочное бодрствование. Его Сибирь — пространство, затуманенное усталостью. Видения здесь не принадлежат отдельному человеку, они распространены повсюду, наполняют воздух «сонной опьянённостью». Путник в этой земле шагает почти в состоянии грез: версты плывут, лица возчиков смешиваются, цель исчезает. Движение по карте превращается в метафизическую прогулку сквозь лабиринт.

Если в традиционной мифопоэтике зрелище открывает путь к надежде (например, город Китёж), то в сибирской эстетике Чехова образы зачастую лишены иллюзорности. В повести «В ссылке» старик Толковый символизирует утрату страстей и эмоций — он живёт в состоянии бодрствующего сна, воспринимая прошлое как зло, препятствующее выживанию. Мифопоэтика здесь направлена на отрицание: видение (воспоминания о родном доме) становится источником страданий, а главный герой стремится превратить своё существование в ничто, в «пустоту». Именно таков центральный принцип чеховской мифопоэтики в рамках «сибирского текста». Река уже не просто природная данность — она обретает метафизический смысл, становясь подобием Стиха или реки Смородины, недоступной границей между миром бытия и ничтожностью. Чехов создаёт образ границы, иллюстрируя его на примерах Иртыша и Амура (рассказ «В ссылке»). Здесь река становится ключевым хронотопом, разделяющим два побережья, каждое из которых символизирует определённое состояние душевного мира человека. Переезд через Иртыш в бессолнечную, мёрзлую ночь похож на переход в царство теней. Те, кто остаётся на одном из берегов (перевозчики), — это души, лишённые стремлений, воспоминаний и самосознания. Старик Семён (Толковый) выступает проводником мифологического порядка: его лозунг — «ничего

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

не надо» — олицетворяет собой осознанную духовную гибель. Он призывает к отказу от всего земного, живого, трансформируя берег реки в пространство вечной апатии. Ледяная вода Иртыша и колючий ветер усиливают атмосферу враждебности «того света». Кто рискнёт «переплыть» — вернуть былое чувство, жену, надежду — как молодой татарин, тот обречён на муки, ведь здесь действуют правила безмолвия и ничтожности. Что же касается Амура и бесконечных просторов — он для Чехова стал не просто границей, а проявлением расширения, выходом в иной масштаб, где устоявшиеся человеческие ориентиры теряют смысл. Описывая Амур, писатель говорит с восхищением, однако этот экстатический порыв несёт в себе мифологическую глубину: «Я влюблен в Амур... жизнь на Амуре оригинальна, жива и свободна». Но эта свобода одновременно граничит с полной изоляцией от «материка» — мира живых. Объём и мощь реки вызывают ощущение того, что путешественник покинул пределы России и оказался в стране, словно бы за тридевять земель, где прежние нормы (паспорта, чины) уже не действуют. Это — мир, где «чёрт знает что творится» — пространство хаоса, готовящее почву либо для нового сотворения, либо для окончательного рассеяния.

ДИСКУССИЯ

У Чехова образы снов и видений претерпевают эволюцию: от юмористической приёмы в ранних произведениях они становятся глубоко философскими и онтологическими конструкциями в зрелом творчестве. В мифопоэтическом прочтении сон предстаёт как альтернативная реальность, порой более правдивая и значимая, чем повседневность. Его герои обитают в условиях «оболочечности» — носители общественных ролей и масок. Только во сне теряется надзор над собой, и на поверхность всплывают

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

скрытые страхи либо подлинные стремления. Сон становится одновременно мечтанием, недоступным состоянием, и причиной трагедии. Увиденная девочкой Варькой картина — сочетание настоящего (ребёнок, кроватка) и фантазии (автомобильная дорога, отец, убитый ранее) — превращает убийство ребёнка в акт ликвидации препятствия для сна. Здесь сон выступает как мифологема смерти — мира, где царит покой. В «Даме с собачкой» Гуров встречает Анну Сергеевну во сне в Москве — это символическое свидание, указывающее на то, что роман, зародившийся на курорте, достиг уровня подлинного существования, способного изгнать серую действительность столицы.

В последних произведениях видения приобретают характер переходных состояний между жизнью и «другим измерением», как, например, в повести «Чёрный монах». Галлюцинация Коврина представляет собой типичное мифопоэтическое видение. Монах выступает образом искушения высшей значимостью, чванства, одновременно — стремления к обособлению от земной действительности. Это «великое безумие», контрастирующее быту среднего сословия, царящему в саду Песочных.

Чехов неоднократно применяет образ сна для характеристики жизни в провинциальной России: городская среда («Ионыч») или усадебная обстановка («Дядя Ваня») ассоциируются со сном тяжёлым, спёртым, где воля оказывается заблокирована. Те, кто стремится выбраться из этого состояния («Невеста»), называют своё прежнее существование «тяжёлым, абсурдным сновидением». Здесь мифопоэтика функционирует через антитезу: Сон (прошлое / смерть) – Пробуждение (будущее / жизнь). В рассказе «Степь» сны Егорушки переполнены мифотворческими образами (гробы, загадочные всадники), отражающими страх ребёнка перед

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

грандиозным, недоступным миру, превращая путешествие в мистический путь.

Функции сновидений и видений в мифопоэтике чеховского «Сибирского» цикла раскрываются через несколько ключевых аспектов:

- Психологическая: обнаружение глубинных слоёв подсознательного мира персонажа;
- Композиционная: намек на конечный поворот событий — предзнаменование гибели либо кардинальных изменений;
- Мифопоэтическая: установление связи между героем и миром предков, понятием вечности или божественной силой природы;
- Экзистенциальная: пробуждение осмысленного опыта в момент внезапного прозрения внутри сна.

При этом у Чехова сновидения действуют как своего рода «рентген» внутреннего мира — когда внешние нормы, условности и разум временно исчезают, на свет выходит скрытое: угнетённые тревоги, запретные стремления и настоящее восприятие героя реальности.

Вот как это выглядит в его произведениях:

Проснувшись, герои Чехова зачастую кажутся покорными и мягкосердцами, однако сны раскрывают их внутреннюю трещину. «Спать хочется» (Варька): галлюцинации и сновидения горничной — это буквально поток бессознательного. В её видениях переплетаются воспоминания об убитом отце, нескончаемое шоссе да серые туманы. С точки зрения психологии, убийство ребёнка в конце — не преднамеренное зло, а «галлюцинаторное» разрешение ситуации: подсознание предлагает ликвидировать «врага», который мешает спокойному сну. «Степь» (Егорушка): мальчику мерещатся устрашающие, исполинские силуэты. Это

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

отражение его беспомощности перед лицом огромного, непонятного мира взрослых и неведомой стихии природы.

Сон у Чехова порой становится поворотным пунктом, когда герой осознаёт, что живёт не тем, чем должен был бы. «Дама с собачкой» (Гуров): в московской, знакомой обстановке он старается избавиться от мыслей об Анне Сергеевне. Однако она появляется в его сне. Психологически это значит, что бессознательное уже приняло решение: роман на курорте стал настоящей жизнью, а городская действительность — всего лишь театральной декорацией. «Чёрный монах» (Коврин): явление монаха — это проекция его помешавшейся на величии души. Подсознание стремится к особому положению, к гениальности, чувству избранности. Образ монаха говорит именно то, чего хочет услышать сам Коврин, вскрывая скрытый глубинный комплекс неполноценности, маскирующийся под амбиции.

Чехов прибегает к снам, чтобы выразить скрытую внутреннюю тревогу, ещё не осмысленную разумом персонажа. В «Вишнёвом саду» (Любовь Андреевна Раневская): её видения умершей матери в саду свидетельствуют о психологическом отступлении. Подсознание героини стремится укрыться в детстве, убеждённой в неизбежном финансовом крахе и утрате родового имени. Это бегство от действительности в мир утраченных времён. В «Трёх сестрах» — предчувствия и сны персонажей пронизаны ощущением ускользающего времени. Такое состояние характерно для тех, кто испытывает замешательство в жизненном пути, не находя выхода из тупика. Иногда сон открывает герою смысл существования, неведомый в шумах повседневности. В рассказе «Студент»: хотя Иван Великопольский не спит, его состояние у костра и зрительные образы древнего прошлого (отречение Петра) имеют черты «пробуждённого видения». Это

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

психическое пробуждение: через соучастие истории тысячелетий он внезапно понимает неразрывную связь эпох и обретает радость бытия. Композиционная роль сновидений. У Чехова они выполняют не декоративную, а структурную функцию. Сновидения формируют мифопоэтическое напряжение, намекая на неотвратимый финал — будь то физическая смерть или полный коллапс привычного мира. Автор часто вводит сны накануне трагических поворотов, готовя зрителя/читателя к духовному переходу героя. В рассказе «Спать хочется»: весь текст представляет собой нарастающую галлюцинацию. Варька во сне видит отца, тёмные дороги, туман — символы смерти. Эти образы формируют сознание девушки, в котором удушье ребёнка воспринимается не как преступление, а как единственный путь к вечному сну (метафора исчезновения). В произведении «Гусев»: перед смертью герой видит тревожные, жуткие картины (бык без глаз, исполинское облако). Эти видения предвещают его гибель в открытом океане и последующее погружение в воду, где его тело сталкивается с акулой. Здесь сон становится порогом, после которого реальность рассыпается.

Мифопоэтическая функция видений в драматургии Чехова выражается через символические образы, обозначающие необратимые перемены. В «Вишнёвом саду» зрелище, будто Раневская видит мать в белом — это не просто воспоминание, а сигнальный аккорд завершения эпохи. Мать, воплощённая в призрачном образе, — дух бывшего мира, сердце сада; её появление на пороге действий указывает на то, что земля больше не принадлежит живым — она уже в власти мёртвых, и разрушение сада — лишь вопрос времени. В «Чёрном монахе» повторные явления монаха служат хронологической шкалой внутреннего распада Коврина. Каждое

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

новое появление — шаг к катастрофе. Его окончательное столкновение с образом в Крыму становится точкой невозврата: герой признаёт своё болезненное состояние и погибает, достигнув вершины сумасшествия. Иногда видения охватывают не одного человека, а целую систему бытия. В «Степи» сны Егорушки — о могиле, молнии, странном всаднике — становятся грядущими знаками потери детства. Эти образы условно разделяют жизненный путь: до — дом, материнское тепло; после — чужбинные города, учёба. Степь в его снах погибает и возрождается — предвещая переход от детского мира к взрослому, духовному перерождению. В «Невесте» состояние Нади перед побегом описывается как пробуждение от глубокого, тягучего сна. Её прошлое — жених, бабушка, родной город — представляется ей как длительное заблуждение, которое должен развеять рассвет нового дня. Чехов многократно обращается к видениям, чтобы замкнуть повествование в круг, противопоставив мечту героя реальному финалу.

«Скрипка Ротшильда»

Незадолго до смерти Яков Бронза воспринимает образы реки, ив и лодок — картины детства, забытые в погоне за материальными потерями. Эти образы, возвращённые ему в финале, символически возвращают его к истинным ценностям, однако осознание приходит слишком поздно — сразу после него наступает смерть. В творчестве Чехова духовная связь с вечностью или поколениями предков редко воплощается в явных демонических мотивах. Скорее, она передаётся через звуки природы и внутренние состояния персонажей, когда их индивидуальные грани растворяются, а они чувствуют себя частью вселенной. В ключевые минуты судьбы чеховские герои словно видят тех, кто давно ушёл, что указывает на

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

их глубокое единство с родовым бытом и неизбежное движение по пути предков. В этот миг он понимает: жизнь не бессмысленна и не хаотична. Мир связан непрерывной нитью «истины и прекрасного», существующей двести веков. Подобное прозрение разрушает его прежний юношеский скепсис и пробуждает желание жить. Увы, раскрытие смысла случается лишь в последние мгновения — в тот самый момент, когда открытое сердце встречает свет правды.

Экзистенциальная функция:

Это откровение раскрывает ужасающую правду: существование было изведено в ненависти и хладнокровных расчётах, тогда как суть заключалась в любви и единении с природой. Пробуждение наступает слишком поздно, но оно освобождает главного персонажа, побуждая передать скрипку Ротшильду — совершить первый в его жизни поступок, лишённый эгоизма. В повести «Чёрный монах» зрелище даёт герою ложный, опасный ответ на вопрос о предназначении жизни. Неосознанное стремится к безумию (образу), поскольку окружающая действительность — сад, семья, быт — представляется ему бессмысленной и никчемной. Чехов задаётся дилеммой: что ценнее — радостное безумие с высоким смыслом или мрачная, однообразная правда? Смерть Коврина под дыхание Монаха — завершение поисков, где иллюзия оказывается сильнее самой жизни. Для множества героев чеховского цикла сон становится отражением их экзистенциального тупика.[3]

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

• Сводная таблица экзистенциальных озарений:

Произведение	Тип видения	Полученный ответ / Итог
«Студент»	Историко-религиозное	Жизнь осмысленна, пока живы Красота и Правда.
«Скрипка Ротшильда»	Ностальгическое	Смысл был в любви и природе, а не в «убытках».
«Черный монах»	Галлюцинаторное	Искушение гордыней; смысл в иллюзии выше реальности.
«Архиерей»	Детское воспоминание	Истинное Я — это простота и смирение, а не чин.

Сновидения вызывали у людей интерес своей тайной природой и мистическим оттенком. В античные времена их воспринимали как послания из другого мира. Разные исторические периоды интерпретировали образ сна через призму собственной эстетики. Романтики видели в сне средство слияния реального и фантазийного, где граница между ними стиралась — начало грез оставалось необъяснимым, а переход от действительности к воображаемому — загадкой. Эпоха барокко подчеркивала равенство иллюзии и бытия, сравнивая жизнь со сновидением; постмодернизм же рассматривал сон как форму проявления ирреальности. Тема сна в произведениях А.П. Чехова до сих пор недостаточно изучена, хотя применение сновидений как литературного приёма в русской традиции анализировалось довольно глубоко. Исследование основывалось на трудах указанных авторов: Е.Ф.Волик [1], Е.Р.Обатниной [5].

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

Рассказ А.П. Чехова «Сапожник и нечистая сила» строится вокруг сна одного из персонажей. Вместе с Федором читатель неосознанно «проваливается» в сон в начале произведения и «возвращается» в реальность — в его окончании. Особенно выразительно передана картина засыпания Нилова: «Мечтая так, Федор вдруг вспомнил о своей работе и открыл глаза» [4]. Без знания финала история кажется вполне реальной, будто события разворачиваются в настоящем времени, а не в рамках кошмара. Автор искусственно замыкает границу между жизнью и сном, заставляя читателя долго не догадываться, где заканчивается действительность, а начинается бредовое видение. Не следует забывать, что сон Федора — не простое сновидение, а бредовой образ, обусловленный употреблением спиртных напитков. Именно в таком состоянии он попадает в мир, полный блестящих удобств и светлых мечтаний. Может показаться, что после пробуждения вновь начинается привычная жизнь. Однако всё происходит именно тогда, когда нищий Нилов снимает сапог с клиента из Колокольного переулка. Увидев вместо человеческой ноги «лошадиное копыто» [4], он осознаёт: проснулся он во сне. Отсюда и возникает уверенность, что вся эта история — плод грез. Как у Чехова, так и у В.Г. Короленко трудно точно установить момент перехода от реального мира к миру сновидений, ведь оба писателя намеренно расплывают эти границы. Осознать это удастся лишь тогда, когда с героями случаются чудесные события, характерные для Рождества. Для них сны становятся местом испытаний, площадкой, где анализируются поступки, переживания, стремление изменить свою судьбу. В рассказе «Сапожник и нечистая сила» приключения Федора Нилова действительно происходят внутри сновидения. Благодаря этому приёму Антон Павлович демонстрирует и

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

себе, и читателю: каждый человек, даже самый скромный, имеет своё предназначение и место в этом мире.

У каждого — и богатого, и бедного — есть свои достоинства и недостатки. Федор осознал это глубоко, когда понял, что, став знатным человеком, уже не может петь на улице и играть с бабой. Благодаря сновидению герой приходит к тому, чтобы ценить своё настоящее, научился принимать жизнь такой, какая она есть, и благодарить за неё. Однако неважно, беден ли ты или пропадаешь в нищете — финал у всех один: смерть, и ничто в этой жизни не стоит того, чтобы отдавать хоть каплю своей души нечистому [4]. Сны здесь становятся средством этической рефлексии, позволяя автору подать историю как форму нравственного осмысления поступков персонажа. В повести А.П. Чехова используется 68 раз этот приём, давая возможность читателю самостоятельно формировать мнение об образе действий Федора — ведь Антон Павлович не даёт прямой оценки. Желая жить богато и красиво, сапожник испытывает эту жизнь во сне, чтобы ощутил себя дворянином. На первых порах всё складывается удачно: ему приятно внимание окружающих, он чувствует свою власть и влияние. Теперь Нилов — представитель высшего сословия, к нему даже приезжает мастер из сапожников. Но вскоре Федор Пантелеевич начинает грубо обращаться с Кузьмой, однако быстро вспоминает, что некогда сам был в таком же положении: «...он вспомнил, как над ним самим мудрили заказчики, и у него стало тяжело на душе...». [4].

Этот эпизод позволяет читателю осознать, что душа сапожника настолько не была проникнута боярским «милосердием», чтобы проявлять сострадание, сочувствие, воскрешать собственную душевную сущность. Антон Павлович блестяще демонстрирует, что богатство отдаляет человека от Бога, от духовных страданий, от молитвы. Со времени обретения

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

большого состояния герой всё чаще испытывает тревогу за свои деньги. В церкви он повторяет те же слова, что и раньше — «Господи, прости меня грешного» [4], однако теперь вместо духовного равновесия его мучают мысли о сундуке с золотом и о загубленной душе. К финалу рассказа, после пробуждения от кошмара, сапожник приходит к выводу, что «богатым и бедным одинаково дурно» [4] — смысл жалоб на судьбу исчезает, ибо всякая разница оказывается иллюзорной.

Таким образом, Чехов и Короленко применяют сон не просто как инструмент раскрытия сюжета, но и как средство для глубокой этической оценки героев. Федор Нилов, получивший своё желание через неблагочестивое влияние, прожил настоящую боярскую жизнь, ощутил всю тяжесть такого существования и понял, что каждый в жизни занимает определённое место. Макар же надеялся на священника Ивана — проводника в другой мир. В рассказе «Сапожник и нечистая сила» А.П. Чехова невозможно сразу определить, что действие происходит во сне. Фантастика подаётся постепенно: автор не заявляет прямо, что герой спит, а словно открывает ему глаза — таким образом, вся история становится приключением, происходящим внутри сновидения. Уверенность в том, что всё — сон, возникает лишь к самому концу произведения, а не остаётся догадкой. «И вдруг всё исчезло. Федор открыл глаза и увидел свой стол, сапоги и жестяную лампочку» [4].

Через призму сновидения и момент пробуждения Антон Павлович Чехов предлагает сюжет, похожий на фантастику, невозможный в повседневной действительности — ведь сны позволяют воплотить всё, включая духовное исцеление человека. Подобные элементы присутствуют и в творчестве В.Г. Короленко: здесь также сочетаются фантастические образы, противостоящие личности — зло и мессия-спаситель, совершающий

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

чудесные странствия, а также расплывчатые грани между сном и явью, которые остаются за пределами полной картины. У Чехова в заключении однозначно подчёркивается, что Фёдор Нилович действительно спал, тогда как у Короленко эти границы сознания намеренно стираются, не давая чёткого ответа о состоянии героя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сны в русской литературе XIX века, особенно в анализируемых произведениях А.П. Чехова, наполнены символами, способными намекнуть герою на будущее, открыть скрытое прошлое, раскрыть внутренние переживания и скрытые стремления, передавая информацию, требующую интерпретации, а также формируя глубокую психологическую портретность личности. Художественные средства и особенности композиции, определяющие поэтику мотива сна в прозе писателя, в первую очередь обусловлены ролью сновидений в структурной организации текста. Большинство чеховских снов создаются с применением ключевых приёмов: преувеличения, фантастической образности и метафорического осмысления. Особое значение здесь имеет метафоризация, которая наиболее эффективно передаёт состояние полуобморочного сна, когда сознание героя теряет чёткость восприятия, раздроблено и колеблется между явью и видением. Кроме того, к средствам выражения относятся и стандартные литературные приёмы — эпитеты, сравнения, а также синтаксические конструкции, имитирующие поток мысли спящего или засыпающего персонажа: риторические вопросы и восклицания, паузы, градация. Следует заметить, что символический смысл сновидений в творчестве Чехова согласуется с концепциями З.Фрейда о

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

психоанализе снов и положениями К.Г. Юнга о пророческой природе сна. [8]

Свидетельством чему служит комплекс произведений с сюжетами-предсказаниями, основанных на снах, а также группа текстов с повторяющимся символическим образом — печью. Описывая героя-сновидца в работах Антона Павловича Чехова, следует отметить, что сны выступают ключевым средством раскрытия образа «маленького человека». Чаще всего во снах передаётся ощущение зависимости, униженности и низкой самооценки персонажа. При этом иррациональная среда сна демонстрирует обрушение надежд видящего. Чтобы укрепить традицию трагикомической картины жизни, автор многократно обращается к литературному прошлому. Так, мотивы, связанные со сном, заимствуются из творчества Пушкина — они прослеживаются не только в повестях «За яблочки» (1880) и «Перед свадьбой» (1880), где присутствуют цитаты из произведений Александра Сергеевича, но и в рассказе «Кухарка женился» (1885), где в сновидении Гриши затрагивается образный ряд поэмы «Руслан и Людмила» (1820). Тогда можно сделать вывод, что образ сна играет значительную роль в прозе Чехова периода 1880–1894 годов. Развиваясь, приобретая особую художественную выразительность, этот мотив становится инструментом реализации идеи произведений. На деле, сны позволяют Чехову, будучи истинным психологом, глубоко проникнуть в бессознательное героев, вскрывая скрытые стороны их внутреннего мира. Более того, использование мотива сна в прозе предваряет появление аналогичной темы в драматургии писателя.

International Congress on Economics, Management and Business Studies

Hosted Online from New York, USA

Date: 23rd April, 2026

Website: <https://econferencia.com>

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волик Е.Ф. Язык и функции сновидений в словесном искусстве. – М.: Архитектура, 2007. – С. 160–164.
2. Короленко В.Г. ПССП: в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 1. – С. 103–130.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – URL: <https://imwerden.de/-pdf/lotmankulturaivzryv1992ocr.pdf>.
4. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. М. : Наука, 1974–1983. — Сочинения. Т. 7. Рассказы и повести 1888–1891. — 1977, 735 с. ; Т. 8. Рассказы и повести 1892–1894. — 1977, 528 с.
5. Обатнина Е.Р. Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. – М.: НЛО, 2008. – С. 164–170. – URL: <https://studbooks.ru/kulturologiya/aleksey-remizov-lichnost-itvorcheskie-praktiki-pisatelya-1552480938/s-6>.
6. Словарь литературных терминов. Литературная энциклопедия: в 2-х т./ гл. ред. Н. Бродский. – М.; Л.: Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. П-Я. – С. 645–649. – URL: <http://febweb.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6416.htm?cmd=p&istext=1>.
7. Фрейд З. Толкование сновидений. – М.: Современные проблемы, 1913. – 448 с.
8. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: AirLand, 1994. – 405 с. 9. Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 182 с.
10. Фрейд, З. Толкование сновидений : монография / З. Фрейд ; пер. с нем. Б. Г. Херсонского. Киев : Здоровье, 1991. 384 с.